An oil painting depicting three elderly monks in traditional Russian monastic attire sitting on a grassy bank. The monk in the center is seated upright, holding a wooden staff. The monk on the left is seated and looking down. The monk on the right is seated and leaning forward, resting his head on his hands. A small blue and gold patterned container sits on the ground near the monk on the right. In the background, a calm lake reflects the sky, and rolling hills and mountains are visible under a cloudy sky. The style is expressive and somewhat somber.

**Игорь Вязовский
Нина Вязовская**

МОЛИТВЕННИКИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Игорь Вязовский
Нина Вязовская
Молитвенники земли русской

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42236308

ISBN 5-7868-0093-8

Аннотация

Книга рассказывает о современных или близких нашему времени подвижниках благочестия, святых, в том числе и недавно канонизированных, о земной жизни которых пока мало известно. Автор книги – православный журналист, много ездивший по России, его статьи и очерки часто публиковались на страницах православной прессы. Большинство рассказов и воспоминаний, вошедших в эту книгу, собраны и записаны со слов близких, родных и духовных чад. Открывается книга рассказом о недавно почившем старце Николае Гурьянове.

Содержание

Предисловие	5
Последнее целование	7
«Имя его в род и род»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Обитатели земли русской

© И.Вязовский, авторский текст, 2002

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление,
2002

Предисловие

Господь сказал: если я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу (весь город и) место сие... Авраам сказал: да, не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти.

И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом.

(Быт. 18, 26, 32–33)

«Широки врата, ведущие в погибель, и узок путь, ведущий ко спасению». Все мы, заблудившиеся в дремучем лесу греха современной бездуховной жизни, ощущаем на себе его тяжелое дыхание. Как найти единственную для себя тропинку, которая может вывести к свету Божественной правды и чистоты?! Есть у нас великая книга жизни: Святое Евангелие, есть поучения Святых Отцов Церкви, есть Таинства... И есть встречи с праведниками, молитвенниками, святыми подвижниками. У каждого из них свой путь, единственный и неповторимый, свой опыт, свои борения, падения и подъемы. Они для нас – живой пример восхождения к истинной Вере, пример очищения, стяжания Любви – этого великого Дара Божия, соединения с Ним.

Мы встречаемся с ними на разных этапах их жизни. И по-

нять, охватить умом весь духовный путь праведника невозможно. Многое останется навсегда сокрытым. И все же так важно бывает для нас встретиться с живым примером духовной брани, победы над врагом рода человеческого, мудрым и добрым советом, данным, пусть даже не нам, а кому-то другому... И вдруг приходит озарение: «Вот оно, что я так долго и тщетно искал!» И это уже не просто память о добропобедных воителях Божиих – это откровение нам от них.

И если читатель в этой книге найдет для себя лично хоть маленькую крупиночку, способную помочь подняться после очередного падения, увидит искорку света, пронзившую тьму окружающей жизни, – это и будет то, чему посвящен наш скромный труд, наша надежда и упование.

Последнее целование (о старце Николае Гурьянове)

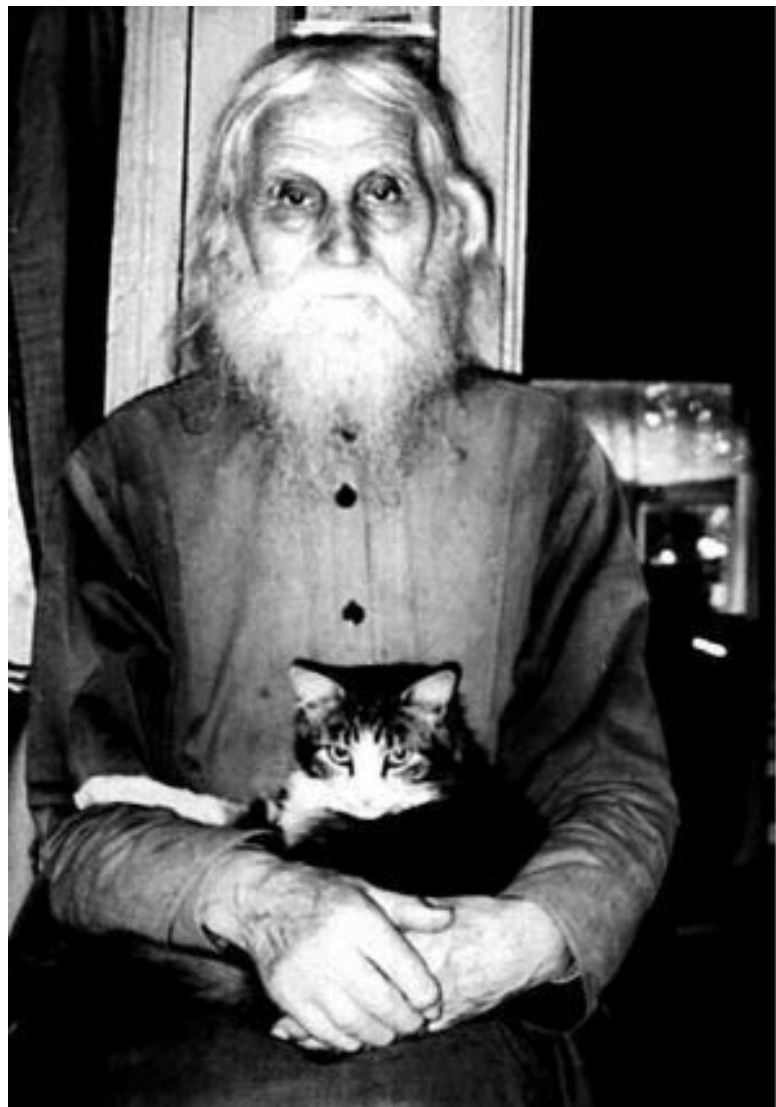
Осиротела земля Псковская. 24 августа на острове Залит скончался митрофорный протоиерей Николай Гурьянов. Много десятилетий отец Николай утешал страждущих, помогал заблудшим, наставлял вопрошающих. Его подвиг старчества охранял веру Православную и землю Псковскую. Остров Залит, где жил старец, был одним из мировых центров паломничества православных верующих. Бессмертная же душа старца, как душа праведника, мы верим в это, отныне пребывает в Царствие Небесном. А мы же молимся за нее с верой, надеждой и любовью.

Об отце Николае написано много. Пусть же и этот небольшой рассказ будет скромным добавлением ко всему уже сказанному о чудном молитвеннике с острова Залит. Мне лично не довелось увидеть батюшку Николая. Или расстояние до острова казалось дальним, или по робости душевной... Не успел... Но и в мою жизнь вошел этот великий Старец, вошел через тех людей, которых окормлял батюшка.

Встреча первая. «Многая лета...»

13 марта 1999 года всероссийскому старцу отцу Николаю

Гурьянову, что с острова Залит в Псковской области, исполнилось 90 лет. Кому из православных россиян не знакомо это имя? Многие едут к нему за житейским советом, вразумлением, да и просто погрузиться в молитвенную атмосферу, окружающую батюшку Николая – чудного молитвенника, отрешившегося от мира на острове. От паломников я слышал о прозорливости и удивительной жизни старца, а недавно довелось познакомиться и с его родственниками, которые живут в Петербурге. Вот что я узнал в семье двоюродной сестры о. Николая – Марии Алексеевны Пипачук. Она рассказывает:

– Родилась я в 1924 году, так что сами можете посчитать на сколько старше меня о. Николай. Поэтому в детстве я его не знала. За необыкновенную приверженность Богу его постоянно куда-то сажали – органы не оставляли в покое. То ссылка, то тюрьма. Он сам много позднее рассказывал, что вначале сидел в Гдове (это наш уездный город), потом перевели на Север, был в Сыктывкаре. С детства очень любит животных и птиц. «В сильные морозы птицы замерзали на лету», – с жалостью вспоминал батюшка. Вот птичек жалел, а самому-то в заключении каково было в такие морозы?

А молитвенником он был с детства. Нам его мать, моя родная тетя Катя, рассказывала, как он еще совсем ребенком (жили мы тогда в деревне Чудские Заходы), устроил себе в баньке «церковь» и постоянно молился в ней. Всегда очень любил кормить животных, птиц. И они его очень любили, совсем не боялись. Синички садились прямо на голову.

– Когда батюшка Николай начал служить священником на острове Залит, мы приезжали к нему, – присоединяется к разговору младшая дочь Марии Алексеевны Наташа, – мы тогда были еще ребятишками. Нам очень нравилось там ловить рыбок: бегали по берегу, плескались в воде. Особенно много было снетков, знаете такую маленькую рыбешку? Мы брали их прямо руками. Однажды принесли их маме, а нас увидел батюшка и говорит нам: «Зачем вы мучаете рыбок? Это все Божий твари, их жалеть надо». После этого мы уже

не мучили бедных рыбок.

Из письма о. Николая родным, 7 декабря 1976 года: «...Желаю вам Святой Веры во Спасителя нашего Господа Иисуса Христа, зная, что без Бога и до порога не дойдешь, а с Богом и на Луне побываешь... Слава Богу, я пока тянусь, от жизни не отстаю, но годы дают о себе знать. Ведь мне идет 67 годок. Как видите, возраст не детский. Однако трудовых забот и работ не по моему возрасту. Единая надежда на помощь Божию. И Он помогает. Только этот год-то весьма необыкновенный. В природе все перемешалось: в сентябре началась зима, натворила всяких бед. Теперь ее сменила осень, но не золотая, какую я люблю, а дождливая и тоскливая, которая угнетающе действует на человека. Слякоть за окном, и такая же слякоть на чувстве здоровья... Наше морюшко еще шумит волной, и нет-нет над ним реют чаечки. На дворе тепло, но для пташек наступило время недоедания, и, глядя на их полуголодные поиски пищи, я всегда до слез переживаю, скорблю и, как и чем могу – помогаю. Не год и не два, а целые десятки лет. И с этой целью, где бы я ни был, всегда имею на своем участке площадочку. Так называемую «птичью столовую». И вот эта-то столовая с поздней осени и до теплых дней весны ежедневно принимает крылатых посетителей. С раннего утра и до позднего вечера попрыгуньи синички лакомятся сальцем. В 3 часа дня воробушки получают пшено. А голуби и другие крупные птицы столуются с полдесятого утра хлебными продуктами... Это я написал

для ваших школьниц, чтобы они с любовью делились в зимнее холодное время пищей с крылатыми друзьями».

– К нему тянутся дети. Вот и внучек мой Алеша, в 5 классе учится, очень его любит. Спокойный мальчик, молитвы читает, добрый, смысленый такой. Много стихов о Николае наизусть знает. Сам берет и учит. Алеша, – обратилась Мария Алексеевна к внуку, – прочитай нам стихотворение дедушки Николая.

Алеша берет сборник, видимо, на всякий случай – вдруг собьется, и начинает старательно:

– Ты куда идешь, скажи мне,
Странник, с посохом в руке?
– Дивной милостью Господней,
К лучшей я иду стране.
Через горы и долины,
Через степи и поля,
Через леса и чрез равнины
Я иду домой, друзья.
– Страх и ужас не знакомы
Разве на пути тебе?
– Ах, Господни легионы
Охранят меня везде!
Иисус Христос со мною —
Он направит Сам меня
Неуклонною стопою,
Прямо, прямо в небеса.

– Один раз, когда мы приехали к батюшке, – вступает в разговор Иван Федорович – муж Марии Алексеевны, – решили поиграть на фисгармонии. Он-то хорошо играет, любую мелодию со слуха подобрать может, а я на баяне немного умею. У него всегда Божественных песен в запасе много. У других узнает, да и сам сочиняет. Вот у него книжка вышла с этими стихами. Хотите послушать?!

Прошел мой век,
Как день вчерашний,
Как дым промчалась жизнь моя.
И двери смерти страшно тяжки,
Уж недалеко от меня.
Мои все кости ослабели,
Как тяжело, больно мне внутри,
Иссохли очи, я в постели
Рыдаю горько до зари.
Я знаю, я – великий грешник,
Попрал я весь Закон Святой.
Забыл родителей и ближних,
Я наг лежу и весь больной.

И такой батюшка говорит такое о себе! Что уж говорить о нас грешных, мирских людях. Его стихи, а он к ним сразу и музыку подбирает, посылали на отзыв профессору Успенскому. Вот что он написал: «Глубокоуважаемый о. Николай, возвращаю Вам тетрадки с Вашим музыкальным произведением. Кое-что я там поправил. Но смотрите на это как

на один из возможных композиционных вариантов. Если он Вам не понравится, то сотрите резинкой и сохраняйте свой вариант. Поэтому я и делал свои пометки карандашом. В целом все написано хорошо. С большим искренним чувством желаю Вам успеха, помощи Божией.

Искренне уважающий Вас профессор Николай Дмитриевич Успенский.

16 ноября 1968 года».

– А сам батюшка, – вспоминает Наташа, – о своем творчестве нам так рассказывал: «Сплю я, и вдруг мне во сне стихи на ум приходят. И музыка к ним. Я просыпаюсь и скоренько все это записываю. Господь знает, откуда это мне».

Уже более часа я нахожусь в этом гостеприимном доме, а воспоминаниям, что называется, нет конца. Хозяева, иногда перебивая друг друга, вспоминают по очереди. Мария Алексеевна:

– А помоложе был таким ведь тружеником. Все умел делать своими руками. Вот крышу в храме железом покрыл, просфоры сам пек. А еще в детстве иконки очень любил украшать рушниками. Вышивать эти рушники сам научился.

Иван Федорович:

– Вообще очень способный человек, он и в миру многое бы сделал. И образование у него хорошее. Закончил биофак Ленинградского пединститута. Только работать ему в горо-

де как бывшему заключенному не разрешали. Услали за 101 километр.

Мария Алексеевна:

– Он как из заключения вернулся, все с мамой, с тетей Катей, жил. Очень он любил ее. С ней в оккупации в Литве были. Угнали их туда. Там его во священника рукоположили в Святодуховом монастыре.

Иван Федорович:

– Он уж заочно Ленинградскую духовную академию закончил. Батюшка очень ценил образование. Любое – и духовное, и светское. Всех учиться благословлял.

Мария Алексеевна:

– Тетя Катя на чужбине-то по своим местам тосковала. Уехали они из Литвы, как только представилась возможность, на остров Залит. Он потом и похоронил ее здесь. До последнего часа был рядом с ней. Сейчас у нее на могилке лампадка горит. Раньше, когда в силе был, то часто навещал могилку матушки. И теперь часто спрашивает, горит ли лампадочка... Да, вот была у меня еще тетя Нюша. У нее двое дочерей было в семье. Так вот, привезли в 35-м году меня в Ленинград, чтобы я за их детьми ходила. В нянечках я у них была. А отец Николай, когда узнал об этом, очень стал недоволен, сильно тете выговаривал, зачем меня с учебы сняли?! Я неплохо училась, и он знал об этом.

Из письма о. Николая родным, январь, 2-й день 1982 года:

«...О себе писать почти нечего, как только о труде.

В котором пока успеваю и от жизни не отстаю. Милосердный Господь помогает и одиночеством не тягочусь. Только частенько оплакиваю моих драгоценных братьев, которые своей кровью и устроили мою счастливую жизнь. Но встречи у меня с ними нет. Они там, то есть дома. А я еще в гостях. Однако чувствую, что прошел мой век, как день вчерашний. Как дым промчалась жизнь моя, и двери смерти страшно тяжки, уж недалеко от меня».

Наташа, тихо обняв Алешу, поделилась:

– Вот когда мы были такими, очень любили бывать у батюшки на острове. Тишина там была необыкновенная. Как будто в другой мир попадали. Никто никуда не спешит, здороваются, даже если и не знают тебя, все какие-то основательные, степенные. Теперь и там как-то по-другому стало. Конечно, о. Николай нужен людям. Но появилась охрана, к нему почти не пробиться. Наверное, люди стали другие, что понадобилась охрана. Да и батюшка очень старенький – время берет свое. Дойдет до калитки, дак его так обступят, что и не видно батюшки. Кто письма показывает, кто фотографию, кто так что-то говорит. И как он успевает всем ответить, да не просто ответить, а как бы в душу заглянуть, – это нам не понять. А иногда и предсказывает. Когда мне было 16–17 лет, встречалась я с парнем – первая любовь. Поехала я в это время к о. Николаю и взяла его фотографию с собой. Спросила у батюшки благословения и протягиваю ему фото-

графию. Он взял ее, посмотрел... и молча положил на стол, лицом вниз. Тогда я не совсем поняла его действия, а спросить постеснялась. Через некоторое время мы с тем парнем расстались. Так уж случилось. Прошло много времени, я и замуж уже вышла, и узнаю, что он спился, работу бросил... Так и получилось, как предвидел батюшка.

– А нам с батей, как он сказал... – вдруг вспомнила Мария Алексеевна. – Приехали мы к нему первый раз, кажется, в 59-м году, рассказала я о себе, о нашей родне, что две дочки у меня. А он мне и говорит: «Дом-то на двух углах не стоит». Я ему: «Да что вы, батюшка, живем плохо, денег нет, квартирка маленькая, этих бы дай Бог воспитать». А он все свое... А потом сразу двойня у меня родилась! Вот так. И квартиру вскоре получили, и дочки все замужем – не оставил их Бог.

Долго еще продолжался наш разговор об о. Николае. Мы смотрели видеокadres, снятые в одно из последних посещений острова, смотрели и старые – снятые еще в 1988 году. Вот на экране батюшка – выходит из дома к народу, что у калитки его ждет. И люди, завидев батюшку, начинают вдруг петь: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ...» На острове Залит, кажется, июнь. Пасха давно прошла – а они пасхальный канон поют. Такая вот радость при виде великого старца...

После знакомства с этой семьей я как будто воочию увидел батюшку, побывал в его доме, ощутил молитвенную бла-

годать, которая исходит от него.

Встреча вторая. Успение

Вечером в субботу 24 августа после чтения Евангелия в храме святителя Николая на острове Залит отошел ко Господу Старец земли русской протоиерей Николай Гурьянов. Эта весть в считанные часы разнеслась по всей России. 93 года земной жизни дано было свыше прожить батюшке. Эта великая утрата заставила содрогнуться многие сердца, и многие поспешили отдать последнее целование батюшке Николаю.

Тех, кто в эти дни добирался до острова, можно было сразу определить по глазам. Не знаю, как определить и назвать это чувство, но было видно без слов, что свой человек – православный. И путь его к батюшке.

Прощание Владыки Евсевия со старцем Николаем

Наша группа добиралась сначала электричкой до Луги. Там три часа ожидания на маленьком вокзале, где негде и голову-то преклонить – так много народу. Православные держались немного в стороне. Кто читал молитвы, кто тихо разговаривал, познакомившись пару часов назад, а кто, уйдя в себя, скорбно молчал. Не мешали – понимали, что тяжело это: впустить в себя мысль, что нет у тебя больше Отца духовного.

Во Псков приехали утром. До переправы добирались поразному. Удивительное дело, только спросишь, как доехать до переправы, сразу же переспрашивают: «Вы к о. Николаю?» Казалось, что весь город знал, что батюшка почил. Не все знали дорогу; разные слухи были, где будут хоронить, но то, что отошел ко Господу – это знали. Часть пути ехали в автобусе. Несколько слов с незнакомой женщиной, и оказалось, что и она через пару часов едет на остров. «Дня два назад сон вижу. Иду я по острову, а у нас там дача. Иду я, значит, по острову и вижу батюшку Николая. Бежит по тропинке, веселый такой. Поравнялся со мной, берет меня за руку и жестами приглашает танцевать. "Что, – думаю – такое!?! Люди еще что не так подумают!?" А батюшка рядом чуть ли не вприсядку. Удивительно мне это.

Рассказываю я утром этот сон матери, она и говорит: "Может надо батюшке гостинцев прислать? Привези ему ябло-

чек". А потом узнаю, что ко Господу отошел наш батюшка. Вот, почему он такой веселый был. Сейчас сынишку отправлю в школу и поеду к нему».

Маленький залив, песчаный берег. Группа людей, как правило, в черном. Подъезжают лодки, узнав цену и немного поразмыслив, народ садится. Впереди остров Залит. Наверное, не у меня одного было такое чувство, что все, что видел сейчас – все это отходило на второй план, если и фиксировалось памятью, то оставалось где-то там в глубине, главное – это было быстрее попасть на остров, не опоздать.

Многое из того, что произошло с каждым из тех, кто в эти дни ступил на остров, нам еще предстоит понять и осознать. «Батюшка собрал всех, кого нужно», – эти слова как-то особо запали мне в душу, когда я посетовал, что многие не успели добраться сюда из-за дальности расстояния. Все, что я смог увидеть и пережить в эти скорбные часы, об этом, даст Бог, будет рассказано позже. Сейчас же лишь малая толика из того, что приходит на память.

Необычайно тихим в эти дни были воды Чудского озера. Рассказывали, что с раннего утра в воскресенье густой туман опустился на гладь озера. Безмолвие... Лишь шум подъезжающих моторных лодок и небольших суденышек нарушал скорбную тишину острова. Время замерло... Гроб с телом батюшки стоял в любимом им храме святителя Николая.

Мы приехали в понедельник. Спрашивать дорогу на острове не надо. Храм святителя Николая виден еще далеко с

воды, да и весь народ шел только в одном направлении. Около храма стояло множество людей. Литургия заканчивалась. Многие прибыли сюда еще вчера. И всю ночь провели рядом с телом любимого батюшки. В храме служились панихиды, читались молитвы... Кто-то из женщин работал на кухне – многих собрала кончина Старца, всех надо было накормить, выполнить последнее послушание отцу Николаю. Потом была исповедь, причастие. Приняв Тело и Кровь Христову, духовные чада проходили мимо батюшки. А народ все прибывал и прибывал... Православные спешили отдать последнее целование батюшке Николаю.

После литургии гроб с телом батюшки вынесли на ступени храма. Владыко Евсевий – архиепископ Псковский и Великолукский, обратившись к народу, сказал много добрых слов о батюшке Николае. Вот лишь некоторые из них: «Яркая звезда закатилась на русском небосводе. Угас наш яркий светильник, молитвенник и добрый пастырь, который сочетал в себе любовь и молитву.

В лютую годину безбожной власти о. Николай был тихим молитвенником в этом святом месте. Многие из нас имели возможность быть под духовным руководством о. Николая. Видели силу его молитвы, присутствовали на службе, слушали его назидания. Или же, находясь в его малой келье, внимали его кратким словам утешения, бодрости и надежды.

Когда я готовился к сегодняшней службе, то я взял личное дело о. Николая. Я ничего там не нашел, кроме благоже-

лательных отзывов об о. Николае со всех сторон. Никаких обид, никаких распрей. Он был молитвенником по велению нашей Церкви. Молитвенником свыше... И до самой кончины он сохранил Божию любовь ко всем людям. И тот, кто приходил к нему, тот знает, что он, как преподобный Серафим Саровский, никого не обижал и всех утешал. Батюшка Николай говорил то ласковое слово, которое особенно нужно было именно сейчас и именно этому человеку. И слово это говорилось с теплотой сердца.

Некоторые люди, когда приходили к нему, считая себя великими грешниками, удивлялись, как это о. Николай так принимал их?! Он же, как ласковый отец, мог постучать им по голове или по плечу и уделить этому человеку больше всего внимания. И проявлял столько любви и заботы, вникая в его проблему, горе, нужду, что отходя от него, человек удивлялся: "За что мне столько внимания уделил о. Николай. Мне, великому грешнику?!" Батюшка Николай видел состояние каждой души и поэтому оказывал такую любовь и внимание даже тем, и в первую очередь именно тем, кто был более всего грешен – ведь они сейчас более всего нуждались во спасении. И батюшка знал, сердцем чувствовал это.

Сегодня мы прощаемся в этой земной жизни с батюшкой Николаем. Но мы не верим, что батюшка бездыханен и покинул нас. Мы чувствуем здесь его присутствие. Да, наше сердце переполнено скорби, но мы знаем, что у Престола Господа нашего Иисуса Христа появился еще один молитвенник

за наши души».

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в этот день, узнав о кончине о. Николая, прислал свои соболезнования. «Ваше Высокопреосвященство, выражаю вам, священнослужителям и духовным чадам покойного батюшки о. Николая наше соучастие в постигшей всех нас утрате: кончине старца, молитвенника, пастыря о. Николая Гурьянова. Его кончина – это огромная утрата, для тех, кто духовно окормлялся у покойного батюшки и укреплялся его святыми молитвами. Да упокоит Господь душу почившего протоиерея Николая в обителях Небесных. И в этой молитве все духовные чада старца да найдут утешение и силу перенести невыносимую, невозполнимую утрату дорогого батюшки. Мысленно даю покойному старцу и молитвеннику последнее целование».

Владыко подает первый возглас. Начинается панихида. Ввиду множества прибывших на остров людей владыко Евсевий благословил прикладываться к почившему батюшке во время панихиды. «Во блаженном успе-е-нии ве-е-ч-ный по-оо-к-о-ой...» Сотни голосов подхватывают скорбные слова молитвы.

В руках у людей горят свечи. Траурная процессия медленно идет вокруг церкви. Последний раз в этой земной жизни протоиерей Николай на руках самых близких и любящих его чад прощается со своим храмом. Теперь путь на сельское кладбище. Вся дорога усыпана цветами...

В 1958 г. отец Николай указом владыки Иоанна (Разумова) по личной просьбе был назначен настоятелем храма св. Николая на острове Залит на Чудском озере. В день Покрова Пресвятой Богородицы, в 1958 г., о. Николай совершил здесь первую литургию. Здесь прошли следующие 44 года его пастырского служения. Здесь он стал тем, кем знают его православные верующие России и зарубежья – батюшкой Николаем, старцем с о. Залит. Долгие годы верным спутником и помощником в пастырских трудах и повседневных заботах была для отца Николая его мать – Екатерина Стефановна Гурьянова. Почила она 23 мая 1969 г. и похоронена на кладбище о. Залит.

Последнее место упокоения батюшки Николая напротив кладбищенских ворот. Со всех сторон могила обложена кирпичной кладкой, и получилось нечто вроде склепа-пещеры с пологим подходом с центральной стороны кладбищенских ворот. Гроб с телом батюшки поставили на землю. И снова молитвенное пение сотни голосов, прощальные слова... А людской ручеек тек и тек мимо любимого пастыря и каждый, прикладываясь к батюшкиной ручке, старался удержать в памяти стремительные мгновения этих часов, когда все мы расставались с дорогим для нас старцем Николаем.

Последние прощальные слова над гробом батюшки. Протоиерей Валериан Кречетов: «Однажды батюшку Николая спросили:

– Какую беду, батюшка, вы считаете для современного че-

ловека самой страшной?

– Неверие.

– Ив церкви?

– Да. И в церкви.

Да, основная беда нашего времени – это неверие. "Сын Человеческий придет найдет ли веру на земле?" Все наши духовные отцы в голос говорили и говорят:

"Храните веру православную". Этой верой жили наши предки, этой верой жил наш батюшка о. Николай. И вера православная дала ему силы претерпеть все скорби и испытания, которые обрушились на его жизненном пути в годы неверия и безбожия.

Когда я общался с батюшкой, то меня поражала его внутренняя, духовная сила. Иногда эта внутренняя жизнь выплескивалась наружу, и тогда его совершенно немощная плоть совершала невероятное. Однажды я приехал и меня встретили с волнением: "Скорее, батюшка умирает!" Это было год назад. Я торопливо иду, даю батюшке Святые Дары. Принял, Слава Богу! Глаза закрыты, лицо такое отчужденное. Я тихонечко кладу его. Он лежит. Тихо. Дышит – не дышит!? Не могу понять. Слава Богу, что хоть причастился. Потом вздохнул. Я вышел в другую комнату. Сидим с матушкой, беседуем. Прошло минут сорок, наверное. Вдруг смотрю, открывается дверь. Я в ужасе, ведь о. Николай лежал при последнем издыхании. Появляется батюшка. Стоит на пороге. Смотрит... Мы с матушкой-келейницей на него.

Я с большим удивлением, даже слова не могу вымолвить... Матушка: "Батюшка, что вы делаете?! Вам нельзя вставать, вам нужно отдыхать". Он так пальчиком погрозил и говорит: "Отдыха-а-ать, матушка, грех..." И пошел дальше».

Гроб с телом батюшки на руках помещают в могилу. Замуровывается вход. Сверху могилы множество живых цветов, рядом траурные венки. В руках горсть земли. Постепенно, постепенно место упокоение отца Николая скрывает желтая земля острова. Простой деревянный крест, холм земли, покрытый цветами. Последнее место упокоения. Велика скорбь утраты, но она где-то там в глубине сердца. Батюшка Николай перешел из земных обителей в Обители Небесные. Тяжело ему было здесь с нами – непокорными, заблудшими чадами. Сколько судеб и горя прошло через это любвиобильное сердце – об этом знает только Господь Бог. Все вынес батюшка Николай – и тюремные этапы, и лагеря, и тюрьмы, но не сошел со своего мученического креста, дошел до конца. И все мы верим, что для батюшки Николая эти кладбищенские врата сельского кладбища стали преддверием Врат Небесных и что наш любимый пастырь, предстоя у Престола Господа, будет помнить о нас и не оставит нас своим попечением.

Вечная память. Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего протоиерея Николая.

Встреча третья. Память сердца

Дорога обратно вместила в себя многое. Снова вокзальная суэта, знакомые лица, неизвестность на чем и как ехать... Но главным во всем этом было открывание для меня батюшки Николая. Открывание его через рассказы спутников, священников, случайных знакомых... Великий Старец остался в памяти и сердцах людей. «Батюшка Николай...» И человек преобразался, на лице появлялась улыбка, в глазах – лучик той любви, которую получил когда-то от батюшки...

– Поехали мы как-то к о. Николаю со своим знакомым из Москвы. А у него был диктофон. Сначала диктофон он тайно включил и держал в карманчике. Потом стал говорить с о. Николаем и, догадываясь, что записывать без благословения нехорошо, спросил: «Отец Николай, может я запишу ваши наставления?» Батюшка же ему: «Ой, может лучше не надо». Так это ему с любовью, полувопросительно. Мой спутник решил продолжать писать – прямо-то батюшка не запретил ведь. Едем обратно, а он и говорит: «Давайте прослушаем, что нам батюшка сказал». И оказалось, что после батюшкиных слов пленочка-то и зажевалась, не записал мой спутник ничего. Кто-то увидит в этом простое совпадение, а кто-то и задумается.

– Приехали мы как-то с группой на остров. И одна женщина говорит, что она уже была здесь, хотя едет первый раз. Чудит, наверное, подумали все мы. Да и была она немного душевнобольная – по ней видно было. «Договорилась, бедная».

Выходит батюшка, она к нему: «Батюшка, помните меня? Я была у вас!» Батюшка заулыбался: «Да, да, помню!» Оказывается, как это все получилось. Эта матушка очень мучилась во время своих припадков: и боль страшная была, и душевно страдала... Врачи же ей не могли помочь. И как-то ей знакомые и говорят: «Есть такой батюшка, живет там-то и там-то. Хорошо тебе было бы туда съездить». Показали при этом ей фотографию о. Николая. И она стала усиленно думать об этом, молиться. И то, что произошло потом, этого она и сама не смогла нам объяснить. Помнит лишь, что была и разговаривала с батюшкой. А дело было так. Последнее время батюшку обычно на ночь закрывали. Однажды вечером выходит он в сени и видит, что там стоит женщина! Батюшка испугался сначала. Потом у них состоялся разговор, и женщина, спросив, что ей надо, – исчезла. Батюшка после этого в сенцы выходил с опаской. Женщина же жила в Магадане.

– Многие люди приезжали к батюшке, и много с ними натерпиться искушений бывало. Особенно в последнее время. Приезжает, случается, какой-нибудь банкир или главный

прокурор России или области. И начинают качать права: «Я столько ехал сюда! Хочу поговорить с о. Николаем. Не допустите, я вам такое сделаю!..»

– «Да вы поймите! Батюшка очень болен. Лежит и никого не принимает. Даже не кушает ничего. Состояние очень тяжелое, постоянно делают уколы». – «Я требую!!! Я гнал так далеко!!! И МЕНЯ батюшка НЕ ПРИМЕТ!?!» Или на худой конец требует, чтобы передали его вопросы, а батюшка дал ответы и сейчас же. Выходишь и чуть ли не импровизируешь. «А что делать?! Он же себя в грудь стучит, он же ПРОКУРОР!»

– Приехала на остров один раз женщина. Внешне все у нее было по православному: и платочек, и юбочка ниже колен, и взгляд такой смиренный... Выходит батюшка. И тут все «смирение» с нее слетает, и она прямо-таки вцепилась в него с вопросом: «Кем будет мой сын, кем будет?!» А батюшка нас всех в это время стал помазывать и чувствуется, что это ему неприятно. Помазывает и так про себя немного: «Кем, кем... человеком». А ей этого мало, она, видимо, рассчитывала узнать не меньше, как должность своего сына в будущем и зарплату, к примеру. Всякие приезжали...

– Идет один раз батюшка по острову, а я недалеко была и видела. Сцепились между собой две собаки, дерутся страш-

ным воем, рычат, визг... Батюшка, проходя мимо, им так как бы украдкой, вполголоса: «Ре-бя-я-т-у-шки, (ласково так ласково) ну, что вы? Нельзя же та-а-к». И прошел дальше. Эти псины, как будто не зная друг друга, носы в стороны, разошлись. В миг наступил мир и покой. А как все кошки собирались у батюшкиных ворот, не говоря о его собственном коте Липунюшке?! И ворона с больным крылом у него жила. У батюшки было свое особое отношение к животным, к природе. Бывало бежит куда-нибудь, торопится, но все равно видно, что он старается зря не наступить на Божию травку, муравья, букашку не раздавить.

– Сидят один раз паломники на бережку, ждут катер и, беседуя, бросают в воду камешки. Проходит батюшка и так ласково: «Де-е-тушки, вы бы не бросали камешки, а то попадете в рыбку. Ей больно будет, а то и убить можете. Грех на вас будет». Поняли они тогда, что одно дело ловить рыбу по необходимости, а другое – просто так, походя, причинить ей вред. Нельзя этого делать.

– Поехали к нему раз два студента. Кажется, из семинарии. Хотелось им немного поискушать батюшку. Какой, мол, он святой?! Сейчас мы его проверим. Всю дорогу об этом и говорили. Приезжают, а о. Николай стоит на бережку, всем говорит: «Проходите, проходите». А им: «А вам, отцы, надо назад». Так они и не узнали, какой он святой.

– Однажды пригласили батюшку отпевать усопшего на один из островов. Потом сделали застолье, хор потрапезничал, а батюшка пошел помолиться с матушкой Рафаилой. Есть там одно святое место. Так как батюшка остался голодным, то положили ему в большой целлофановый мешок разной еды и поехали мы все на Залит. Только ступил о. Николай на берег, сразу же сбежалась к нему вся собачья живность. Батюшка одному дал, другому... А они так и идут за ним вереницей. Подходят аккуратно так, словно уже заранее распределились по порядку. Когда о. Николай подошел к до-

му, то осталось у него несколько конфеточек и три пряничка.

– Монахиня Мария 35 лет ездила к батюшке из Душанбе. Была она когда-то невестой его духовного ученика, и о. Николай очень ее любил. А этот ученик, он или погиб внезапно или еще что-то такое произошло... – умер в расцвете жизненных сил. Матушка, оставшись одна, приняла постриг. И она на костылях, каждый год приезжала на остров. Сидим мы с ней однажды на острове и приготовились кушать рыбу. Надо сказать, что с хлебом на острове туговато, так что батюшка даже благословлял всех приезжающих привозить с собой буханку хлеба. Сидим мы и рассуждаем: «Рыба есть – это хорошо, а хлеба-то нет! Что делать?» Вдруг появляется батюшка с хлебом в руках и молча отдает его нам.

– Частенько батюшка обходил своих старушек, тех, кто по немощи не всегда мог дойти до магазина или пенсию маленькую имел. Прибежит, кому маслица даст, кому хлебушка, колбаски... Что ему приносили – он тем с ними и делится. Живет на острове одна семья, и взрослые частенько присылали батюшке то молочка, то творога. Приносил же это все маленький мальчик. Батюшка всегда ему даст то конфетки, то пряника... Благодарность за труды. И однажды батюшка что-то замешкался, а может и пришел кто-нибудь... Ушел мальчишка без гостинца. Пришел он домой и заявляет: «Больше я не пойду к батюшке. Ничего мне не дал. Не

пойду!» И только он это сказал, прибегает батюшка, к груди прижаты гостинцы, и протягивает мальчугану со словами: «Прости, Ванечка. Забыл я про тебя». У ребенка все обиды сразу же забылись.

– Я первый раз был у него с о. Олегом (о. Олег Тэор – настоятель храма св. Александра Невского в г. Пскове). Тот еще настрашал меня, мол, батюшка сейчас все твои грехи увидит. «Узнаешь, какой ты грешник. И еще палкой по голове настучит». У меня совсем душа ушла в пятки. Подходим к дверям. Я говорю: «Батюшка, надо постучать». Тот: «Не стучи, он сам сейчас выйдет. Он знает». Ждем. Я опять: «Да не знает он. Надо постучать». – «Сейчас, сейчас». И только он сказал, как слышим голос: «Сейчас дорогие мои, иду, иду». А я первый стоял. Открывается дверь и батюшка Николай с порога: «У, Сереженька, приехал! Здравствуй, радость моя!» Я же его и знать-то не знал.

– Раб Божий Михаил. Брат мой Владимир попал в больницу с тяжелым поражением печени. Он москвич у меня. И решил он на Пасху поехать в Троице-Сергиеву Лавру. Поехал прямо из больницы. Попросту говоря, сбежал. Хотя больница та одна из самых престижных, и за нарушение режима в ней в другие больницы уже и не возьмут. Посоветовал ему кто-то в Лавре поехать на о. Залит. Съездил он туда и потом, когда рассказывал мне о своей поездке, глаза у него просто

светились. «Приезжаю я к батюшке Николаю, говорю, болит, мол, то-то и то-то... А он мне и говорит: "Ты, наверное, в Новый год вина попил?" И тут я вспомнил, что так оно и было. И понял, что болезнь-то у меня от этого. Батюшка продолжает: "Не пей больше!" и, стукнув меня по лбу кулачком, добавил: "Все, больше не болеешь!"» А анализы у брата были по всем показателям очень серьезные. Когда он приехал в Москве, то его как-то и не спохватились, а самое главное, что после-то ничего не нашли у него. Такое в нашей семье было первое свидетельство об о. Николае.

– Приезжает один православный из Америки: он ездил в России по монастырям и встречался со старцами. «У нас там такого нет. У нас все приземлено, поэтому я и приехал посмотреть к вам». И когда мы шли от о. Николая, он сказал, что батюшка – сама Любовь. «Я много проехал монастырей, храмов в России, встречался со многими священниками, но такого еще не видел».

– Старцы-то старцы, но о. Николай десяти старцев стоит. Благодать каждому дается разная. Таких больше не будет, будут другие.

– За несколько дней до кончины батюшки Николая зашел к нему в келью один человек. Батюшка в это время молился. Глаза у него были закрыты, и он не заметил вошедшего.

Его губы еле тихо шептали молитву: «Матушка моя, приди ко мне и возьми меня к Себе», и из глаз медленно текли слезы. Батюшка с такой любовью обращался к Богородице, как будто Та была его родной Матерью. Эта молитва была очень простой и безыскусной, но столько в ней было веры в Господа, Божию Матерь и так он это произносил, что когда мужчина вышел из кельи о. Николая, то минут 30 не мог прийти в себя. Этот облеченный властью, проживший долгую жизнь и видевший немало на своем веку человек плакал во дворе батюшкиного дома и не мог остановиться. Настолько у него открылось сердце от той батюшкиной любви к Богородице, от его детской непосредственности в молитве.

Когда похоронили батюшку Николая, то часть людей осталась на острове. Осталась, чтобы помолиться на могиле Старца. И хотя ночь была достаточно холодная, но люди не уходили и читали Псалтирь около часовни преподобномученицы Анастасии. «Батюшка нас всех объединил. И сейчас любой может, придя к нему на могилку, помолиться. Его физическая смерть многих собрала вместе. Всех, кто знал батюшку, кто через него открыл живого Христа, любящего нас и живого».

«Имя его в род и род»

– Говори, говори со мною.

– Зачем, дедуля? Я устал и уже не могу говорить.

– Тогда читай. Твой голос напоминает мне голос нашего предка, моего дедушки, святителя Иннокентия...

(Из разговора в Алтино, в военный 1944 год деда и внука Вениаминовых)

Прапрадед

Я смотрю на два портрета, и меня поражает сходство этих людей, современников столь отдаленных эпох: святителя Иннокентия (Вениаминова) – митрополита Московского, апостола Америки и Сибири – и его праправнука – архимандрита Иннокентия (Вениаминова), встречу с которым в Петербурге подарила мне судьба. О своем прапрадеде, жившем более века назад (1797–1879 гг.), отец Иннокентий рассказывает так:

– Когда еще святитель был простым священником, отцом Иоанном, он по своей доброй воле миссионерствовал в Сибири, на Курилах, Камчатке, Алеутских островах. Крестил кадьяков, американских индейцев, алеутов, колошей. Пере-

вел на алеутский язык Катехизис, составил азбуку якутского и тунгусского языков. Перевел на них Священное Писание. Само собой деятельность его выросла в дело большого государственного значения. В Петербурге он создал Комиссию по миссионерству. Примечательно, что при нем образованность жителей в его епархии стала выше, чем по остальной России. Он совершил путешествие по Амуру, составил подробную записку об Амурском крае и перспективах его заселения. Также взял на себя заботу о благоприятном для России решении амурского вопроса, по его предложениям была размежевана русско-китайская граница. Царь высоко оценил его труды – наградил орденом св. Андрея Первозванного. И вот что интересно: тот орден святитель получил с цепью, а орден Андрея Первозванного с цепью полагалось носить только членам Августейшей семьи рода Романовых – все остальные носили на голубой ленте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.